

Сдержанная, едва заметная улыбка Руань И стегнула Яо Сяоянь по лицу точно кнут. Обомлев от такой дерзости, она аж вздрогнула и, схватив со стола стеклянный стакан, со всей дури швырнула его в парня.

Руань И лишь слегка качнулся в сторону. Стакан чиркнул по его плечу, со звонким хрустом врезался в стену, с грохотом отскочил от металлического шкафа и разлетелся по полу на мелкие осколки.

В следующую секунду дверь учительской математиков распахнулась настежь. В кабинет, едва не сбивая друг друга с ног, ворвались Тун Тун и ещё несколько активистов класса, а следом за ними втиснулся Старик Чжэн.

— Что здесь происходит?

— Ли Сюань, тащи веник, подмети осколки! Смотрите под ноги, не порежьтесь.

— Учитель Яо, выдохните. Глотните водички.

— Чжан Цзымин, развалился тут как барин! Ты сюда позориться пришёл? И вы остальные — отойдите к стене, не сбивайтесь в кучу.

Тун Тун подскочила к Руань И:

— Ты в порядке? Что с рукой?

Разлетавшиеся осколки царапнули его по тыльной стороне ладони, оставив несколько алых ссадин. Капли крови едва проступили — если бы она не указала, Руань И даже не заметил бы.

— Всё нормально, — качнул он головой.

— Как вас вообще так понесло? Я за дверью чуть со страху не умерла, думала, вы тут всё в щепки разнесёте! — Тун Тун всё ещё тяжело дышала, с трудом переводя дух. — Благо Старик Чжэн сегодня остался в учительской, хоть вечерку ведёт и не он. Я ему уже всё раскладывала по полочкам.

— Спасибо.

— Да за что спасибо-то? — Девушка отерла пот со лба. — Уф, раз Чжэн здесь, можешь не переживать. Всё, что стряслось, у всех на виду было. Кому отвечать — тот не отвертится.

Яо Сяоянь сидела на стуле, и её руки мелкой дрожью колотило минут десять подряд.

Учитель Чжэн, хоть и пытался её успокоить, не обронил в адрес Руань И ни единого упрёка. Сигнал скрытой защиты был настолько очевиден, что взвинченные до предела нервы Яо Сяоянь тут же его уловили.

Она чувствовала себя униженной до глубины души.

— Учитель Чжэн, — сквозь зубы процедила она с лютой ненавистью, — в моём классе такому ученику не место.

Чжэн Пэй еле заметно нахмурился. Обернувшись к десятку любопытных, косившихся в их сторону из коридора и от дверей, он негромко бросил:

— Ладно. Руань И остаётся, остальные — свободны. За дверь.

Но Яо Сяоянь и не думала ценить его попытку сгладить углы.

Вскинув руку, она ткнула пальцем в Руань И и взвизгнула так, что заложило уши:

— Я требую его отчислить!

Её визгливый фальцет гремел на всю школу — обычно, когда она вела урок на шестом этаже, её слышно было даже на четвёртом. Теперь же её вопль сорвался на ультразвук. Ученики — и те, кто успел выйти, и те, кто замешкался у порога — оцепенели от изумления, так и застыв в дверях.

Лицо Старика Чжэна не дрогнуло. Он махнул рукой застывшим школьникам:

— Идите-идите. Учитель Яо просто погорячилась. Чтобы никаких сплетен потом. Тун Тун, проследи за порядком в классе.

Тун Тун усиленно закивала и мгновенно увлекла за собой всю орду.

— Учитель Чжэн, вы думаете, я воздухом сотрясаю?! — брызжа слюной, закричала Яо Сяоянь.

— Учитель Яо, я успел расспросить ребят о сегодняшнем инциденте, — спокойно возразил Чжэн Пэй. — Обстановка там куда сложнее, чем кажется на первый взгляд, и дело вовсе не ограничивается тем, что вы застали. Так что у вас с Руань И вполне могло возникнуть взаимонепонимание. Как классный руководитель, я приношу свои извинения за недосмотр: это моё упущение, что в классе дошло до подобного и помешало вашему уроку. Мне жаль.

Он сделал паузу и продолжал без смущения и спешки:

— Но за этой историей стоит кое-что ещё. Руань И, безусловно, виноват, однако вине рознь. Как ни крути, на отчисление его проступок никак не тянет.

Первыми словами он протянул ей соломинку, чтобы сохранить лицо, а последней фразой намертво перекрыл путь к расправе. Кнут и пряник в одной упаковке. Яо Сяоянь аж перекосило — её лицо то заливалось краской, то бледнело, но возразить было нечего.

Спустя долгую паузу она судорожно втянула воздух и выдавила из себя подобие улыбки — судорожной, перекошенной гримасы:

— Хорошо... Я поняла. У вас своя позиция, ладно, я... принимаю её. Но как бы вы ни решили с ним поступить, этот... — Она вновь ткнула пальцем в Руань И, процеживая слова сквозь сжатые зубы, — чтобы на моих уроках я его больше не видела!

Подхватив со стола конспекты и методички, она рванула к выходу. Уже у самого порога она с размаху грохнула всю стопку о пол. Белоснежные листы взвились в воздух салютом; Яо Сяоянь в слепой ярости топнула по ним каблуком и выскочила вон, с треском захлопнув за собой дверь.

Старик Чжэн всё так же сохранял невозмутимость. Поднявшись, он подошёл ближе и кивнул Руань И на разбросанную бумагу:

— Давай, помогай подбирать.

Они вдвоём принялись собирать разлетевшиеся листы.

Дверь снова отворилась.

Подняв взгляд, Руань И увидел входящую Фан Цинь.

Та самая Сестра Цинь, о которой говорила Тун Тун, — местная легенда форума Шестой средней школы, находившаяся с Яо Сяоянь в давней и непримиримой контре.

Руань И к тому же знал, что она возглавляет методическое объединение математиков первого года старшей школы и ведёт занятия у лучшего из четырёх профильных классов. Их кабинет примыкал аккуратно к учительской, так что весь сегодняшний спектакль Фан Цинь наверняка слышала от корки до корки.

Две проверочные работы из стопки Яо Сяоянь приземлились прямо у её ног. Подняв их, Фан Цинь протянула листы Руань И, затем забрала у него всю собранную пачку тетрадей, ловко подровняла край и опустила на стол бежавшей коллеги.

— Учитель Фан, заглянули? — окликнул её Чжэн Пэй.

— Да вот, пришла дух перевести.

Фан Цинь выдвинула ящик стола, достала тонометр, привычным движением обернула манжету вокруг предплечья и расстелила перед собой листок с изображением лотоса. Руань И разглядел отпечатанный жирным шрифтом заголовок стихотворения: «Не сердись».

Старик Чжэн усмехнулся:

— Что стряслось-то?

— Наш кабинет посадили стенка в стенку с учительской, чтобы детям удобнее было бегать за консультациями, а вышло так, что им теперь удобнее слушать сплетни. Всё, вечерка у моего класса коту под хвост. Я им разбор задач бубню — никто и ухом не ведёт, все прилипли к стенке, работают радиослушателями! Почувствовала себя лишней на кафедре. Поняла, что только мешаю им наслаждаться шоу, ну и ушла сюда... остыть немного.

— Да ладно тебе, шестнадцатилетние подростки — они все такие, — вздохнул Чжэн Пэй. — У меня в классе не то что сегодня, похоже, ещё дня два всё бурлить будет.

Повернувшись к Руань И, он мягко добавил:

— Нам тут с учителем Фан надо кое-что обсудить, так что иди. В класс не возвращайся, ты и так сегодня сам не свой. Иди домой, отдохни.

Руань И кивнул и вышел в коридор.

Кабинет классного руководителя Фан Цинь находился как раз через стену от учительской.

Стоило Сестре Цинь выскочить за дверь, как в классе словно прорвало плотину.

Будто над синевой ночного неба взошла золотая луна, осветив бескрайнее бахчевое поле, и на этот пир сплетен радостно выскочила орава голодных зверьков. Всё закружилось в хаосе: по рядам перешёптывались, а в воздухе порхали сотни записок.

— Брат Чэнь, а Брат Чэнь? — Фан Чао толкнул Лу Бинчэня локтем в бок. — Слыхал, как там орали?

Слышать-то Лу Бинчэнь слышал, пусть и отрывочно. Долетали лишь отдельные выкрики: «Заткнись!», «Совсем страх потерял!», «Отчислить!». Впрочем, богатому школьному

воображению хватило и этого, чтобы накрутить целую драму.

Однако...

Бинчэнь хмурился. То ли ему послышалось, то ли он слишком много думал о нём, но в женском визге проскочило имя: «Руань И».

В руках у Фан Чао трепетал бумажный клочок, обошедший уже полкласса. Листок был испещрён мелким почерком — красными, синими, чёрными и даже маркерными чернилами.

Забрав у него записку, Лу Бинчэнь бегло пробежал её глазами. Сплошные домыслы и фантазии, реальных фактов — кот наплакал, и ни единого слова, хотя бы отдалённо напоминавшего имя Руань И.

Он вернул бумажку владельцу.

Фан Чао швырнул записку назад и нагнулся к уху Бинчэня:

— Слушай, тут из учительской парочка народу вывалилась. Я вроде старосту двадцать третьего класса видел.

— Кого?

— Ну, старосту двадцать третьего класса, с красной заколкой! Помнишь, ты нас в первый день учёбы запряг книжки для двадцать третьего класса таскать? Она ещё с блестящим зажимом в волосах ходила...

— Я тоже кое-кого приметил, — обернулся с передней парты Цзян Цзяньяо. — Чжан Цзымина. Сынка Чжан Цао.

Брови Лу Бинчэня сдвинулись ещё сильнее. Руань И учился как раз в двадцать третьем классе. И Бинчэнь отчётливо вспомнил, как во время недавнего звонка Руань И выспрашивал у него именно про Чжан Цзымина.

Взгляд Лу Бинчэня оледенел. Смахнув телефон в карман, он поднялся с места.

— Брат Чэнь? — опешил Фан Чао.

Не реагируя, Лу Бинчэнь молча вышел из кабинета. Сделав пару звонков, он быстро восстановил всю картину произошедшего.

Завершив вызов, он не стал возвращаться наверх. После недавнего ливня в Янцине резко похолодало, с неба срывалась мелкосемянная морось. Ночной ветер шевелил сырую листву, и пару холодных капель упало Бинчэню на лицо.

Он прекрасно знал: случись что, Руань И ни за что не обратится к нему за помощью. Более того, реши Бинчэнь влезть в это дело прямо сейчас, тот едва ли обрадуется. Но одно дело — знать его характер, и совсем другое — в деталях уяснить, что Руань И сознательно подставился под удар, закрывая собой кого-то другого. Это жгло изнутри так, что словами не передать.

Вскинув голову, Лу Бинчэнь заметил Руань И, шагающего перед корпусом. И сразу же устремился наперерез.

У Руань И раскалывалась голова. Моргнув, он с удивлением обнаружил перед собой выраставшего словно из-под земли Лу Бинчэня.

Из-за жара мысли в голове прокручивались со скрипом, и лишь спустя пару секунд он тихо спросил:

— Ты как тут оказался?

— Его зовут Линь Хэлай? — ледяным тоном чеканил Лу Бинчэнь.

Затем, понизив голос, добавил с ещё большей стужей:

— Почему ты не пришёл ко мне?

<http://bllate.org/book/20540/2134818>